DK254
.S524
D72
1902

D. S. SIPIAGIN

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010125928

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
OCT 31 1994			
NOV 8 '94			

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

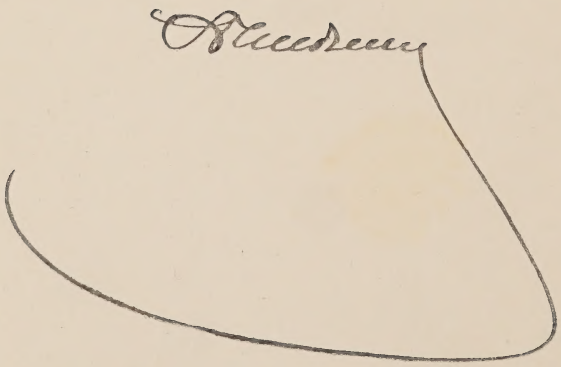
https://archive.org/details/dssipiagin00unse

Д. С. Сипягинъ.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья,—
Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ“...

Рылѣевъ.

МОСКВА.
Типо-литограф. А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1902.



ee
c
DK254
.S524
D72
1902

Д. С. Сипягинъ.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья,—
Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ“...

Рылѣевъ.

D.S. SIPIAGIN

МОСКВА.
Типо-литограф. А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1902.

П. ГУЛЯШОВ

Дозволено цензурою. Москва, 13 іюля 1902 г.

Д. С. Сипягинъ.

(Род. 5 марта 1853 г., † 2 апрѣля, 1902 г.).

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья,—
Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ".
Рылѣевъ.

Совершенно не помню, когда и гдѣ мы познакомились, но вѣроятнѣе всего въ Москвѣ: въ домѣ ли Графа А. В. Бобринскаго, или Василія Алексѣевича Шереметева, не знаю... Быть-можетъ, я видѣлъ его мелькомъ въ Петербургѣ, еще совсѣмъ юнымъ, когда онъ съ сестрою сопровождалъ свою мать на Сергіевскую къ Софьѣ Михайловнѣ Шереметевой. Пріятель послѣдней Полковникъ Кавалергардскаго полка Гревсъ приходился дядей матери Д. С. Сипягина Княгинѣ Дарьѣ

Порфирьевнѣ Мещерской, урожденной Красовской, женѣ вторымъ бракомъ Князя Василія Васильевича Мещерскаго, которому и принадлежало Волоколамское сельцо Клусово.

Всего чаще помнится мнѣ Д. С. Сипягинъ въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ В. А. Шереметева, съ которымъ его связывала крѣпкая, испытанная дружба. У В. А. Шереметева была особая черта: онъ быстро схватывалъ свойства людей и оцѣнивалъ ихъ мѣтко и по достоинству. Его незамѣтному вліянію поддался Д. С., и съ годами чувства, ихъ связующія, росли все глубже и сильнѣе. Взаимныя услуги навсегда закрѣпили эти многолѣтнія отношенія. Одинаковые интересы къ дѣлу, къ дѣятельности дворянской и земской, одинаковые взгляды обоихъ на свое служеніе, особенности отношеній ихъ къ крестьянамъ, самостоятельный русскій взглядъ, вѣрность завѣтнымъ преданіямъ и... любовь къ псовой охотѣ соединяли этихъ двухъ людей неразрывною крѣпкою дружбою, благотворно дѣйствовавшею на окружающихъ и близкихъ.

Съ каждымъ пріѣздомъ моимъ въ Москву я все болѣе привязывался къ обоимъ, и меня привлекали эти отношенія, основанныя на удивительномъ сочетаніи вѣрности служебному долгу, при веселости нрава, въ связи съ широкимъ размахомъ чисто русскаго хлѣбосольства.

Глядя на нихъ, невольно приходилось вопрошать будущее, и все предвѣщало въ этомъ будущемъ, что такимъ чисто русскимъ людямъ и суждено будетъ послужить ему въ лицѣ Цесаревича, столь уже опредѣленнаго по духу и стремленіямъ...

Оба они пережили 1 марта 1881 г. Оба вступили въ новое царствованіе, полные силъ и готовности отдать себя на благо страны и молодого Государя. Съ ними вмѣстѣ, хотя и нѣсколько отдѣльно, выдвигался и московскій губернскій предводитель Графъ А. В. Бобринскій. Представители московскаго дворянства обращали тогда на себя вниманіе своею дѣятельностью и заслугами. Составъ депутатскаго собранія былъ образцовый; товарищескій

духъ поддерживался; неизмѣнная и полная солидарность составляли ту силу, съ которой приходилось считаться. Дѣлу же объединенія и сближенія не мало способствовали В. А. Шереметевъ и Д. С. Сипягинъ.

Въ то время слышались иногда такія сужденія о Сипягинѣ. Говорили, какъ можетъ онъ одновременно быть близокъ съ людьми различныхъ взглядовъ и свойствъ характера, что онъ на людей съ другими воззрѣніями не смотрѣлъ, какъ на враговъ, и умѣлъ извлекать пользу для дѣла отъ единенія силъ, будучи лично всегда послѣдовательнымъ и точнымъ.

Весьма давно уже стали проявляться въ немъ тѣ особенности, тѣ пріемы въ веденіи дѣлъ и въ дѣловыхъ сужденіяхъ, которые сразу выдвинули его въ своей средѣ и заставили прислушиваться къ его мнѣнію, всегда строго логичному и практичному. У него былъ особенный даръ въ засѣданіяхъ: запутанный и сложный вопросъ выводить изъ дебрей случайныхъ и иныхъ затрудненій, какъ бы вылупливая его на общее разумѣніе и тѣмъ са-

мымъ весьма часто заставляя и противниковъ своихъ присоединяться волею-неволею къ своему мнѣнію. Вотъ это самое свойство, столь привлекавшее къ нему сочувствующихъ, порождало нерѣдко среди противниковъ чувство раздраженія, вызванное неудовольствіемъ надъ своею же слабостью, заставлявшею ихъ противъ себя соглашаться съ неумолимою силою доводовъ противника. И таковые, нерѣдко затаивая въ себѣ чувство уязвленнаго самолюбія, не могли съ нимъ справиться и въ жизни и въ дѣлахъ. Подобныя встрѣчи, къ сожалѣнію, неизбѣжны.

Въ самый разгаръ его девятилѣтней предводительской дѣятельности уже существовалъ такой несочувственный взглядъ, хотя и затаенный, но уже заглушенный значительнымъ большинствомъ его почитателей въ разныхъ слояхъ общества и положеній. Его мѣстная дѣятельность въ Волоколамскомъ уѣздѣ стяжала ему славу образцоваго Предводителя, внимательнаго, трудолюбиваго, полнаго огня и жизни, отзывчиваго на всякое добро, умѣющаго

говорить съ крестьянами, понимать ихъ и вселять въ нихъ къ себѣ чувство общей привязанности, довѣрія и уваженія.

Земство признало въ немъ дѣятельнаго и полезнаго гласнаго, опытнаго секретаря, безпристрастнаго предсѣдателя, спокойнаго, сдержаннаго, дающаго просторъ въ сужденіяхъ и строгаго къ отступленіямъ, превышающимъ дозволенное закономъ. Въ собраніи гг. Предводителей и депутатовъ вліяніе его было значительно. Въ многочисленныхъ и разнообразнѣйшихъ Комиссіяхъ онъ отличался тѣмъ же спокойнымъ, тѣмъ же яснымъ, все проникающимъ и трезвымъ взглядомъ, столь успѣшно способствовавшимъ вліянію на благопріятное для дѣла рѣшеніе вопроса.

Внимательному взору давно становилось яснымъ особое свойство способностей Д. С. Сипягина, выдвигавшихъ его силою обстоятельствъ, отъ него независящихъ, на болѣе широкую дѣятельность, на путь государственный, къ которому онъ, несомнѣнно, былъ призванъ. Радовались друзья его и почитатели, видя его

несомнѣнный успѣхъ и любуясь привлекательными свойствами его благороднаго, правдиваго, жизнерадостнаго характера. Жизнь била въ немъ ключомъ, а съ нею бодрость, трудолюбіе, удаль, чисто русскій деревенскій складъ и вкусы безъ малѣйшей примѣси иноземщины, въ чемъ бы то ни было; таковымъ онъ уже давно обозначился. Сипягинъ, какъ человѣкъ бытовой и сильный, на твердой народной почвѣ стоящій, много обѣщалъ въ будущемъ.

«Нашъ мальчикъ не пропадетъ!»,—говаривалъ о немъ шутя В. А. Шереметевъ, нѣжно его любившій и какъ бы гордившійся имъ, при полномъ единеніи чисто родственнаго горячаго чувства.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось время, ясно обозначалось, что вокругъ имени Д. С. Сипягина соединится большинство для избранія его въ губернскіе предводители. Скоропостижная смерть В. А. Шереметева была сильнымъ ударомъ для Д. С. Сипягина, и всѣ, можно сказать почти единогласно, называли его, какъ будущаго избранника; но онъ

въ это время, по причинамъ особымъ и личнымъ, рѣшительно уклонился отъ такой возможности.

Избраніе новаго и посторонняго лица, созвучнаго лишь умершему, было главнымъ образомъ дѣломъ Д. С. Сипягина. Онъ остался еще нѣкоторое время уѣзднымъ предводителемъ, всячески содѣйствуя новому Губернскому и съ трудомъ уживаясь съ исчезновеніемъ такого друга, какимъ для него былъ В. А. Шереметевъ.

Переходъ его на мѣсто вице-губернатора въ Харьковъ былъ конечно крупною потерею для московскаго дворянства, для собранія его Предводителей и депутатовъ. Это сознавалъ и Императоръ Александръ III, лично подчеркнувшій оное Д. С. Сипягину, при одномъ изъ свиданій. Но переходъ былъ неизбѣженъ и необходимъ.

Харьковское вице-губернаторство было кратковременнымъ, но и достаточнымъ для него подготовленіемъ къ неизбѣжному назначенію Губернаторомъ — къ болѣе самостоятельной

и ему свойственной болѣе широкой дѣятельности.

Слава Д. С. Сипягина, установившаяся за нимъ въ Москвѣ, только усилилась въ Харьковѣ, гдѣ не могли не оцѣнить все тѣ же его рѣдкія дѣловыя качества и личную привлекательность.

На него уже давно обращенъ былъ взоръ Великаго Молчальника, еще глубже потомъ направленный на дальнѣйшую его дѣятельность.

Въ Курляндіи все тотъ же неизмѣнный и всесторонній успѣхъ. Сипягинымъ довольны всѣ: и на мѣстахъ самые разнообразные элементы русскіе, польскіе, латышскіе, нѣмецкіе, и въ центрѣ, гдѣ за нимъ пристально слѣдятъ; успѣхъ его растетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что люди подобнаго закала и подобныхъ способностей, характера и убѣжденій—люди русскіе и независимые по духу—это тѣ люди, которые всего нужнѣе Царю и Россіи.

5-лѣтнее Губернаторство прочно установило дѣловую репутацію Д. С. Сипягина. Но не

одною дѣловою стороною сумѣлъ заявить себя Д. С.,—его необыкновенный тактъ, его тонкое умѣнье, при чисто дипломатическихъ свойствахъ ума гибкаго и подвижнаго, но всегда правдиваго и самостоятельнаго, заставили подумать о немъ, какъ о ближайшемъ сотрудникѣ новому Московскому генералъ-губернатору...

Одновременно съ этимъ его назначеніемъ случилось непредвидѣнное и зловѣщее обстоятельство: Д. С. внезапно заболѣлъ въ Митавѣ острымъ ревматизмомъ сочлененій. Гдѣ и какъ простудился этотъ могучій здоровьемъ человѣкъ — не знаю, но положеніе его сразу сдѣлалось опаснымъ. До Москвы дошли слухи о его болѣзни, и на столько преувеличенные, что создалось убѣжденіе, что онъ человѣкъ конченный и въ Москву никогда не прибудетъ. . . . . .

. . . . . .

Назначеніе Д. С. Сипягина Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ состоялось *20 октября 1899 г.*, послѣ того, какъ минуло 6 авгу-

ста того же года 40 дней по кончинѣ Цесаревича Георгія Александровича.

Еще задолго передъ тѣмъ, послѣ краткаго пребыванія въ Шереметевскомъ домѣ на Сергіевской, онъ переѣхалъ въ купленный имъ собственный домъ на Мойкѣ. Отрадно вспомнить о тѣхъ обѣдахъ по четвергамъ, когда къ нему собиралась вся наличная семья и близкіе ему люди; всѣ чувствовали себя легко и отрадно подъ кровомъ всегда радушнаго и гостепріимнаго хозяина. Близко знавшимъ его тогда живо вспоминался прежній, деревенскій Клусовскій хозяинъ, у котораго на усадьбѣ неизмѣнно гласила надпись: „добро пожаловать!“

Клусово!.. сюда стремился онъ мыслію и душою, когда утомленный чрезмѣрнымъ трудомъ, заботами и волненіями житейскими, онъ уходилъ въ тѣ рѣдкіе въ году дни, слишкомъ забывая о себѣ, о своемъ отдыхѣ, ради исполненія служебнаго долга. Бывало лишь на нѣсколько часовъ удавалось ему наслаждаться Клусовымъ. Помню встрѣчу съ нимъ и

съ женою его въ Клину, послѣ одного изъ такихъ рѣдкихъ пребываній. Лицо его тогда сильно загорѣло отъ весенняго воздуха, настроеніе было свѣтлое, праздничное. Въ это пребываніе, самое кратковременное, онъ весь день былъ на воздухѣ и въ лѣсу, входя во всѣ подробности мѣстнаго хозяйства, разъѣзжая верхомъ, осматривая новыя посадки на берегу Ламы, слѣдя за развитіемъ мѣстныхъ при усадьбѣ его благотворительныхъ учрежденій, входя въ подробности хозяйства садоваго и лѣсного, бесѣдуя съ крестьянами объ ихъ нуждахъ, помогая неимущимъ.

Въ Клусовѣ, дѣйствительно, соединялись рѣдкія и благопріятныя условія для уединенія и полнаго спокойствія. Это тихая и уютная усадьба, окруженная хвойными и лиственными лѣсами, черезъ которые извилистымъ теченіемъ своимъ струится р. Лама, орошая привольные луга среди мелькающихъ вокругъ селеній съ отдаленными колокольнями церквей. Жизнь въ Клусовѣ переноситъ въ даль прожитыхъ и прошедшихъ временъ, при стройномъ сочетаніи

многихъ условій стараго быта, бережно сохранившихся, рядомъ съ новыми, вызываемыми жизнію и потребностями времени. И въ этомъ сочетаніи не было противорѣчія. Взаимно дополняясь въ стройное цѣлое, оно какъ бы опредѣляло и настоящее значеніе его государственной и общественной дѣятельности: вѣрность преданіямъ въ связи съ разумнымъ и спокойнымъ развитіемъ, какъ основою общаго благосостоянія.

Характеръ человѣка особенно отражается во вкусахъ его и привычкахъ, въ убранствѣ комнатъ и въ зданіяхъ, имъ воздвигаемыхъ, во всемъ ходѣ его жизни и въ господствующемъ стройномъ и послѣдовательномъ движеніи его хозяйства. Такъ и въ Клусовѣ, и въ томъ домѣ, гдѣ все бережно сохранилось, какъ бывало прежде, когда здѣсь жили его мать и вотчимъ, который былъ ему вмѣсто отца родного. Отношенія Дмитрія Сергѣевича къ Князю В. В. Мещерскому были назидательно трогательны до конца мучительной болѣзни послѣдняго. Мещерскій пережилъ горячо

имъ любимую жену, и на немъ отразились послѣдствія полученной имъ на охотѣ тяжкой раны отъ облапившаго его медвѣдя; общительный и привлекательный, старый Севастополецъ, онъ былъ страстный охотникъ и музыкантъ, пріятель извѣстнаго поэта пѣвца Амосова, портретъ котораго хранится въ Клусовѣ.

Всего болѣе поражаютъ службы въ Клусовской усадьбѣ: рядъ домиковъ однообразнаго типа, практично и стройно расположенныхъ передъ дворомъ, посреди котораго возвышается конюшня; здѣсь въ прежніе молодые годы Дмитрія Сергѣевича была псарня, имъ уничтоженная передъ переѣздомъ въ Харьковъ.

Въ домѣ висятъ портреты въ краскахъ масляные и старые дагеротипы; все убранство и устройство мебели не современное, а въ уютномъ кабинетѣ хозяина, около углового камина, покойная тахта и шкафы съ книгами и бумагами, у средняго же изъ трехъ оконъ письменный столъ съ кресломъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, а на стѣнахъ фо-

тографіи родныхъ и близкихъ, разныхъ поколѣній.

Какъ памятны мнѣ еще недавніе ясные солнечные осенніе дни въ Клусовѣ и тихіе вечера въ этомъ укромномъ кабинетѣ, за долгою оживленною бесѣдою. Здѣсь не было ежеминутно отвлекающихъ заботъ, и хозяинъ дома, спокойно предаваясь ходу мыслей и любезныхъ ему разговоровъ и разсужденій, являлся всего болѣе привлекательнымъ, привѣтливымъ и сердечнымъ въ родной ему деревенской Клусовской обстановкѣ... Теперь уже его нѣтъ между нами, но онъ неизмѣнно будетъ жить въ Клусовѣ на утѣшеніе скорбящимъ, въ назиданіе грядущему!...

И мы, подобно хозяину Клусова, не хотѣли бы теперь оторваться отъ этого врачующаго деревенскаго простора, но силою повелительною мы обязаны вернуться въ суетный, сутолочный, тревожный Петербургъ, съ его казенными лицами и зданіями, съ его своеобразнымъ населеніемъ...

Но и въ этомъ Петербургѣ домъ Д. С. Си-

пягина на Мойкѣ представлялъ среди внѣшняго водоворота — тихое спокойное убѣжище, куда такъ отрадно было проникать, хотя бы и для минутнаго задушевнаго разговора.

Характерна случайная бесѣда Д. С. съ давнимъ его испытаннымъ слугою въ вечеръ того дня, когда онъ былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Дмитрій Сергѣевичъ сидѣлъ у письменнаго стола въ глубокомъ раздумьѣ. Онъ ясно сознавалъ всю важность предстоящаго дѣла, всю трудность задачи, всю силу принятой имъ на себя отвѣтственности... Долго сидѣлъ онъ, пока наконецъ не вошелъ въ комнату Ефимъ.

Д. С. къ нему обратился, объявилъ о своемъ назначеніи, о своемъ раздумьѣ и заботахъ и спросилъ, что онъ на это скажетъ?

Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и полною убѣжденностью тотъ отвѣтилъ: «Что же, вѣдь кому-нибудь же нужно быть министромъ внутреннихъ дѣлъ!» Отвѣтъ былъ такъ простъ и убѣдителенъ, что онъ дѣйствительно на время вернулъ Д. С. извѣстное спокойствіе.

Жаль было свыкнуться съ мыслію, что Дмитрію Сергѣевичу придется разстаться съ его домомъ и смѣнять его на «казенную квартиру».

Казенная квартира! Какъ удивительно вцѣпилось въ нее недремлющее недоброжелательство, какихъ только наслоеній, сплетенъ не сплеталось, умышленно распространяя всевозможное, дабы набросить тѣнь на человѣка, виновнаго лишь въ томъ, что занималъ извѣстное положеніе. Эти сочиняемые враждебные слухи по истинѣ доходили до своего рода «художественности». Слѣдя за ними, за ихъ ростомъ и видоизмѣненіями, можно было бы ими опредѣлить извѣстный уровень...

Когда передъ силою очевидности отходила иная хитро сплетенная сплетня — мгновенно всплывало другое измышленіе, непрерывно поддерживая искусственное возбужденіе, тревогу и недовѣріе. Конечно, то было дѣломъ немногихъ, нити которыхъ сплетались, гдѣ слѣдуетъ, и производили свое извѣстное дѣйствіе... И такъ до самого конца, можно ска-

зать до послѣдняго дня его жизни. Система подобной послѣдовательности проявлялась въ полномъ объемѣ.

А когда бывало въ бесѣдѣ съ Д. С. негодуешь на злобу, на пристрастіе и на вражду, то самъ онъ относился ко всему этому спокойно, какъ бы отрѣшенно, какъ человѣкъ съ чистою совѣстью, сознающій неизбѣжность явленія при полномъ сознаніи строгой добросовѣстности исполняемаго имъ долга.

Домъ Д. С. на Мойкѣ можно теперь назвать историческимъ; онъ былъ свидѣтелемъ событій, которыхъ нельзя назвать иначе.

Весною 1900 года всѣ друзья Д. С. были внезапно поражены тревожною мыслью о новой, тяжкой болѣзни его. То было возрожденіе и повтореніе его прежней митавской болѣзни, острый ревматизмъ сочлененій на подагрической почвѣ. Болѣзнь эта круто свалила Д. С. въ самый разгаръ начинающейся его министерской дѣятельности. Едва улеглись до нѣкоторой степени неопредѣленные по случаю назначенія его слухи, какъ дана была

новая благодарная пища городскимъ толкамъ и пересудамъ. Болѣзнь между тѣмъ принимала острый и серьезный характеръ, страданія больного были сильны и заставляли его кричать. Призваны были лучшіе врачи. Близкіе и друзья переживали тревожные для сердца дни.

Отрадно было тогда лишь вдохновительное сознаніе сочувствія Царскаго, проявившагося съ такою явною и несомнѣнною силою. Еще незадолго передъ тѣмъ Царское посѣщеніе дома Д. С. за трапезою и проведенный запросто вечеръ благотворно воздѣйствовали на многихъ. Теперь съ этою болѣзнью Царская заботливая мысль проявила себя въ утѣшительномъ и оживляющемъ сознаніи. Острый кризисъ благополучно миновалъ. Царское письмо, Царское посѣщеніе—подняли духъ выздоравливающаго и придали ему новую бодрость. Друзья радовались возврату его къ жизни, радовались приближавшейся возможности лѣченія въ Эксѣ (Aix les bains) до окончательнаго возврата къ служебнымъ дѣламъ.

Отъѣздъ его за границу состоялся 1-го іюля 1900 года.

Онъ поѣхалъ съ женою и окруженный близкими, преданными ему людьми, съ нимъ поѣхали: врачъ В. К. Колесинскій старый товарищъ его по университету, С. С. Перфильевъ, Графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ и Графъ Б. С. Шереметевъ.

Въ Эксѣ онъ пользовался радушнымъ Французскимъ гостепріимствомъ, о которомъ сохранилъ наилучшее воспоминаніе.

Новая обстановка, спокойствіе, живительный горный воздухъ, все способствовало постепенному выздоровленію, хотя и медленному возврату силъ. Его скоро потянуло на родину.

Когда заговорили о необходимости дополнительнаго лѣченія «nachkur», то Д. С. заявилъ, что онъ допускаетъ таковое только въ Россіи. Въ это время Государь уже переѣхалъ въ Крымъ. Выборъ мѣста Д. С. остановился на Полтавскомъ имѣніи с. Гавронцахъ. Здѣсь и мы застали его съ женою, уже окрѣпнув-

шаго и проживающаго благодушно въ средѣ, ему сочувственной и близкой, окруженнаго заботами друзей. Это опять одно изъ свѣтлыхъ воспоминаній недавняго прошлаго, связаннаго съ именемъ Дмитрія Сергѣевича.

Любилъ онъ гулять по тѣнистымъ аллеямъ Гавронцевскаго сада, и между ними была одна, направлявшаяся къ церкви, особенно имъ любимая, по которой онъ ходилъ ежедневно. Замѣтивъ, что церковь находится въ запущеніи и нуждается въ поддержкѣ, онъ помогъ своими средствами, и, благодаря ему, церковь с. Гавронцевъ теперь въ полномъ порядкѣ. Онъ пожелалъ сдѣлать это пожертвованіе въ память своего выздоровленія.

Съ наступленіемъ глубокой осени, Сипягины покинули Гавронцы и направились въ Крымъ, гдѣ наступившая болѣзнь Государя всѣхъ задержала.

Возвращеніе Д. С. состоялось въ декабрѣ, и онъ съ новою силою рванулся къ дѣлу...

Здѣсь мы подходимъ къ послѣднимъ днямъ, столь недавно законченнымъ... Касаться этого

близкаго мы пока не въ силахъ. Рана еще слишкомъ свѣжа и затрогивать ее больно...

Г. С. Ш.

С.-Пб. 21 апрѣля 1902 г.,
20-й день.

С 1. 1. 1961 года
цена — р. 70 к.

Л
НЛ-3

ЛКТ
Магазин № 55

№ 58

025762/7-69

59-1

University of N.C. at Chapel Hill
00010125928